

Вампиров нахожу чрезвычайно эротичными

Председатель жюри нынешних "Ликов любви" актер Удо КИР — самый дисциплинированный зритель. Аккуратно посещает все конкурсные просмотры, хлопая в ладоши, обращается к журналистам фразой "Ну-с, будем говорить, будем работать", никаких звездных требований не выдвигает. А в его богатой фильмографии такие персонажи, как Дракула, ребенок Дьявола, Франкеништейн, помощник Сатаны, и другие не менее примечательные герои. Мужчина магнетического обаяния (известный своим нетрадиционным вкусом), он работал с крупнейшими режиссерами — Фассбиндером, Ларсом фон Триером, Полом Моррисси, Гасом ван Сентом и другими. Равно свободно ощущает себя и в артхаусном кино, и в голливудской продукции. Москву впервые посетил в 1989 году, когда неделю жил на водке и икре.

— Одним из первых ваших визитов тогда стал визит в Мавзолей. С чем связан интерес к фигуре Ленина?

— Никакой связи не ищите, я просто жил тогда рядом, в гостинице "Россия", прошелся пешочком, стояла такая очередь, что мне стало чрезвычайно интересно, что же там внутри такое, ради чего люди проводят часы, чтобы попасть туда. Нужно уже предать тело земле, чтобы его дух успокоился. Содержать целый институт с огромным штатом, чтобы он выглядел свеженьким, это слишком! Люди подолгу стоят, зачем они это делают? Чтобы оправдать свою веру? Дайте Владимиру мир и покой.

— Считаете, что в нашей стране много некрофилов?

— Нет. Просто людям необходимы идолы, а Ленин был одним из них.

— Существует мнение, что мир как социум можно изме-

нить к лучшему, а вот в мире человеческих чувств всегда будут измена, боль, предательство.

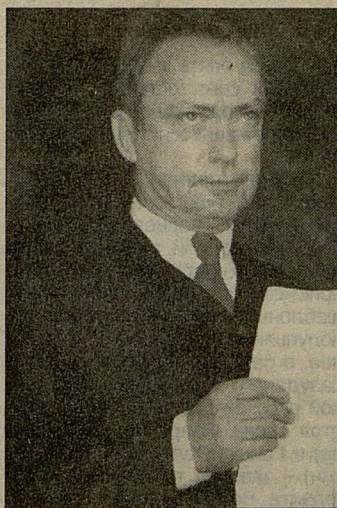
— А чье это мнение?

— Одного французского режиссера.

— В общем я с ним согласен, но при этом он забыл про любовь. В мире человеческих отношений есть все, от предательства до ненависти, но где же любовь, где упоминание о ней? И потом, французы всегда так пессимистичны. Я более оптимистично настроен. И еще я верю в дружбу.

— Вас много спрашивали о вашем друге Ларсе фон Триере, допускает ли он импровизацию на съемках?

— Ларс фон Триер — такой же человек, как и мы все, поэтому со временем он меняется и как личность, и как режиссер. Если в его ранних работах импровизации места не было вообще, то позже ее стало очень много. В "Элементах преступления", даже

в "Европе" был четкий сценарий, а "Танцующая в темноте" — одна сплошная импровизация. Но Ларс, как любой великий режиссер, не очень-то допускает актерские экспромты.

— В одном интервью он сказал, что будущее кинематографа видит как добрую смесь стимулирующего прозека и снотворного валиума. Каким вы видите будущее кино?

— Если фильм таков, что человек просыпается от него, то тогда это своего рода возбуждающее лекарство, а если фильм вас успокаивает, когда вы нервны, то это как седативный препарат. Кино — это смесь того и другого, и потом, мне кажется, что будущее за видео и Интернетом. В недалеком будущем благодаря Ларсу появится много талантливых режиссеров. Ведь он

был инициатором идеи, что вы можете снять фильм буквально за 200 долларов, имея лишь камеру в руках. Если человек талантлив, он может снять фильм на 8-миллиметровой пленке, показывать его посредством видео, и это будет суперфильм. Талант не определяется размером пленки.

— В вашей картине "Крошки печенья" (или "Догма-7") снимаются инвалиды-транссексуалы. Каково было работать с непрофессиональными актерами?

— Я только начал работу как режиссер. Пожалуй, все, что я отснял на сегодняшний день (а закончить проект я предполагаю к концу этого года), — своего рода репетиция. Я находился под страшным давлением журналистов, все хотели знать, что же такое я снимаю. Я прервал съемки фильма, и сейчас, когда все забыли об этом, могу начать заново, как бы переписывая набело. Это уже будет настоящая работа.

— Перспективно ли развивать "Догму" в дальнейшем?

— За Догма-фильмами будущего нет. Я снимаю "Догму-7". Это счастливое, магическое для меня число. Я родился 14-го, поделим пополам, будет семь. Но я с трудом могу представить себе "Догму-25", например. Человеческая природа такова, что все интересно лишь в самом начале. Возьмем такие события, как война в Израиле. Люди шокированы, они под впечатлением лишь первую неделю, потом все забыто, им ничего не интересно.

— Откуда у вас такая любовь к злодеям, монстрам, вампирам, вы их столько переиграли?

— А я не устаю повторять, что зло привлекательно. Оно не имеет границ в отличие от добра. И в любви, и в ненависти злодей и есть самый настоящий герой! А вампиров я нахожу чрезвычайно эротичными.

— Где лучше снимать фильм ужасов, по-вашему, — в готическом замке или где-то еще?

— Как в оригинальном готическом замке, так и в павильоне Голливуда или на "Мосфильме". Сегодня я, кстати, был на "Мосфильме", там есть прекрасные павильоны, которые могут прекрасно подойти для съемок фильмов ужасов, темноты даже больше, чем требуется. Что в конце концов нужно для фильма ужасов? Закрытое помещение, безлюдные пространства и много-много темноты.

— Вернемся к теме фестиваля. Помните ли вы вашу первую влюбленность? Возможно, это было в детском возрасте.

— Не забывайте, что я дитя войны (меня ведь чудом спасла мать, когда в кельнский роддом попала бомба, из всех младенцев, что там находились, я один выжил), поэтому, пожалуй, первое ощущение любви, поселившейся во мне, — это момент, когда меня брал на руки американский солдат, разрешал мне залезть ему в карман, и я доставал оттуда плитку шоколада... Незабываемое чувство.

Оксана ГАВРЮШЕНКО

Фото И. КАЛЕДИНОЙ